

Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот

**Доказательство о бытии Бога,
взятое из познания натуры, а
особливо из познания
человеческого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Ф82

Ф82 **Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Ф.**
Доказательство о бытии Бога, взятое из познания природы, а особливо из познания человеческого / Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот – М.: Книга по Требованию, 2023. – 161 с.

ISBN 978-5-521-28003-2

ISBN 978-5-521-28003-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Страсти, волновавшія ихъ, отводили непрестанно ихъ думать о томъ, или по крайней мѣрѣ ложныя мысли отъ чувствъ происшедшія, которыя раждаются отъ страстей, закрыли ихъ глаза, чтобы не видать сего великаго поворота. Человѣкъ, который съ крайнею жадностію хочетъ сдѣлать какое великое дѣло, которое весь его трудъ и раченіе къ себѣ привлекаетъ, можетъ препроводить многіе дни въ какомъ нибудь покоѣ, размышляя о своихъ выгодахъ, не рассуждая ни о величинѣ покоя, ни о украшеніи камина, ни о картинахъ, которыя около его находятся. Всѣ сіи вещи могутъ быть безпрестанно предъ его глазами: однако онъ ни о единой изъ нихъ не подумаетъ. Такимъ образомъ и люди живутъ; всякая вещь представляетъ имъ Бога, однако они нигдѣ его не видятъ. Въ мірѣ бѣ, и мірѣ тѣмъ бысть, и мірѣ его не позна. *In mundo erat, et mundus per ipsum factus est, et mundus eum non cognovit.* Они провождаютъ свою жизнь не примѣчая сего изображенія, толь сильно ударяющаго въ чувства о божествѣ. Столько прелестъ свѣта сего ослѣпляетъ ихъ очи: часто они и сами не хотятъ ихъ отверзать, и болѣе еще желаютъ ихъ зажмуривать, опасаясь, чтобы не найти того, котораго они не ищутъ. На конецъ, что должно было бы наибольше служить къ отверстію ихъ очей, то есть, постоянство и порядокъ движеній, которыя высочайшая премудрость въ свѣтѣ учредила, то служитъ имъ, чтобы еще больше глаза свои зажмуривать. Блаженный Августинъ говоритъ, что сіи чудныя дѣла для того намъ неудивительны, что безпрестанно мы ихъ видимъ. Цицеронъ точно

говоритъ: „ Намъ всѣ дни равны , понеже глазѣ
„ къ тому привыкли , разумъ привыкаетъ такъ
„ же какъ и глаза. Онъ не удивляется , и не смѣшитъ
„ никакъ вступить въ тотъ трудъ , чѣобы и
„ выискивать причины тѣхъ дѣйствій , копорныя
„ онъ видитъ всегда одинакимъ образомъ такъ
„ какъ бы новость , а не величество вещей дол-
„ жно было возбуждать насъ къ тому , чѣобы
„ рассуждать объ оныхъ.

IV.

*Вся натура показываетъ бытіе своего
Создателя.*

Но на концѣ вся натура показываетъ Творца своего художество. Чрезъ художество разумѣю я собраніе нарочно выбранныхъ дѣйствій , для того , чтобъ помощію ихъ точно желаемого конца достигнуть. Сей есть порядокъ , расположеніе , искусство , и съ слѣдствіемъ сопряженное намѣреніе. Случай совсѣмъ есть противоположная , слѣпая и необходимая причина , копорая ни пріуготовляетъ , ни въ порядокъ приводитъ , ничего не избираетъ , и не имѣетъ ни воли , ни разума. Изъ чего я утверждаю , что свѣтъ есть знакъ безконечной причины могущественной и премудрой. Я заключаю , что случай , то есть , слѣпое и случайное собраніе причинъ необходимыхъ и лишенныхъ разума , создать всего сего не можетъ. Здѣсь весьма прилично упомянуть славныя сравненія древнихъ.

Пре-

V.

*Преизрядныя срапненія, доказыпающія то, что
самая натура показыпаетъ намъ бытіе
своего Создателя.*

ПЕРВОЕ СРАВНЕНІЕ ВЪЯТОЕ ИЗЪ ИЛІАДЫ
ГОМЕРОВОЙ.

Кто повѣритъ, чтобы иліада Гомерова, сія поэма столь совершенная, не была сочинена силою разума великаго стихотворца, и чтобы буквы, будучи брошены безъ разбору, такъ какъ бросающъ костыми, вдругъ самымъ случаемъ легли точно въ такой порядокъ, какой не обходимо требуется; чтобы описать въ стихахъ наполненныхъ согласія и разности, столь много великихъ приключеній; чтобы ихъ вмѣстить и связать столь изрядно все вмѣстѣ; чтобы всякую вещь со всеѣмъ тѣмъ, что въ ней ни есть пріятнѣйшаго, благороднѣйшаго и чувствительнѣйшаго, живо представить; на концѣ, чтобы всякое лице по своему характеру, опкровенными и въ движеніе приводящими словами говорить засыпавъ. Пусть сколько хотѣтъ рассуждаютъ, и умствуютъ: однако никогда разумнаго человека не увѣрятъ, будто иліада Гомерова однимъ ненарочнымъ случаемъ сдѣлась. Цицеронъ о семъ такимъ же образомъ рассуждаетъ въ лѣтописяхъ Эниевыхъ, къ чему присовокупляетъ, что случай не можетъ сдѣлать ни одного стиха, не только цѣлой поэмы, какъ же бы сей ученой человекъ повѣрилъ о свѣтѣ, который безъ сомнѣнія несравненно лучше, нежели иліада, чего здравое рассужденіе отнюдь не позволяетъ ему вѣрить и о сей поэмѣ. Но приступимъ еще

къ другому сравненію, которое взято изъ Григорія Назіанзіна.

VI.

*Второе срапненіе пзятое отъ зпону
инструментальнаго.*

Естьлибы мы услышали въ покоѢ за завѣсомъ инструментъ играющій пріятно и согласно, повѣрили бы мы, что случай могъ сдѣлать сей инструментъ безъ всякаго человѣческаго искусства? Сказали ли бы мы, что струны на скрипкѣ сами собою расположились и натянулись по дереву, которое склеилось изъ многихъ шпучекъ, для того чтобы сдѣлать выпуклость съ правильнымъ откровеніемъ? Подумали ли бы мы, что смычекъ, сдѣланный безъ всякаго художника, вѣтромъ движимъ будучи, всякую струну съ такою разнотою трогалъ, и съ такимъ согласіемъ? Ктобы рассудительнаго ума могъ въ правду сомнѣваться, когдабы человѣческая рука съ такимъ согласіемъ на семъ инструментѣ заиграла? Не вскричалъ ли бы онъ, что то искусной музыкантъ играетъ.

VII.

Третіе срапненіе пзятое отъ статуи.

Когдабы кто въ пустомъ и ни кѣмъ незнаемомъ островѣ изобрѣлъ весьма изрядную мраморную статую, то бы потчасъ сказалъ безъ сомнѣнія, тутъ прежде жили люди; я вижу работу весьма искуснаго художника; я удивляюсь, что онъ съ такимъ искусствомъ расположилъ всѣ члены сего тѣла; чтобы придать имъ такую красоту, величество, пріятство, иѣжность, жирность, дѣйствія и движенія;

женія; чтобы сей человекъ тогда отвѣтство-
валъ, еслибы кто ему отважился сказать:
нѣтъ, сей статуи художникъ не дѣлалъ. Прав-
да, что она сдѣлана по самому лучшему вкусу
и по правиламъ самаго совершенства, но только
всему тому причина одинъ случай. Между
толпъ многими мраморными кусками нашелся
такой одинъ, которой самъ собою такъ сдѣ-
лался. Дожди и вѣтры оторвали его отъ горы,
а сильная буря бросила его весьма прямо на
сей пѣдесталъ, который также и самъ чрезъ
себя на семъ мѣстѣ приуготовленъ. Сей есть
Аполлонъ стольже искусный какъ и Белведеръ:
онъ и Венера подобная Медису. Онъ и Гер-
кулесъ подобный Фарнесу. Вы дѣйствительно
повѣрите, что сія фигура идетъ, что мы-
слитъ, и будто хочетъ говорить: однако ни-
чего того не должно приписывать художеству;
но все сіе зависитъ отъ одного слѣпцаго случая,
который такъ правильно оную окончилъ, и по-
ставилъ.

VIII.

Четвертое срапненіе пзятое отъ картины.

Еслибы кто увидѣлъ изрядную картину,
которая бы представляла на примѣрѣ шествіе
Мойсеево чрезъ Чермное море, по повелѣнію
котораго воды раздѣляются, и становятся какъ
двѣ стѣны, чтобы дать путь Израильтянамъ
не мокрыми ногами сквозь пучину шествовать,
и что съ одной стороны безчисленное множество
народа, исполненное радости и упованія, воз-
дѣваетъ руки свои на небо, а съ другой сто-
роны Фараона съ Египтянами, исполненныхъ
смущенія и трепета отъ устремившихся волнъ

для ихъ покрытія. Подлинно, гдѣбы сыскался такой человѣкъ, который бы отважился сказать, что нѣкоторая дѣвушка неумышленно въникомъ шалила по сему полотну, и отъ того краски сами собою расположились, и составили сіи цвѣты въ такой живности; сіе столь пріятное различіе; сіи изображенія головъ съ столь живыми знаками страстей; сіи столь изрядныя и безчисленныя положенія тѣлъ, отличныя цвѣты въ одеждахъ, безъ всякаго одного съ другимъ смѣшенія; сіи различія красокъ; сей столь точной размѣръ мѣстамъ; на концѣ все то, что самый искуснѣйшій живописецъ можетъ представить. Еслибы вопросъ состоялъ только о малой пѣнѣ лошадиной, признаюсь, слѣдуя нѣкоторой повѣсти, которую рассказываютъ, и которую я принимаю безъ дальняго рассматриванія. Живописецъ рассердившись вдругъ кистечку бросилъ, съ которой упавши капля чрезъ послѣдующіе вѣки, оную пѣну весьма изрядно представляла. Но по крайней мѣрѣ не съ намѣреніемъ ли живописецъ въ наиприличнѣйшія ко изображенію сей пѣны краски обмахивалъ кистечку. И такъ случай весьма мало въ томъ содѣйствовалъ: ибо онъ только докончалъ то, что искусство уже начало. Сверхъ того сіе дѣло художества и случая вмѣстѣ, есть только маленькая пѣна, вещь не великой хитрости, и которая достойна того, чтобы оную приписывалъ въ честь себѣ ненарочной случай, вещь неимѣющая формы, и которая ничего не требуетъ къ своему составленію, кромѣ бѣловатой краски стрясенной съ кистечки, безъ всякой подлинной фигуры, которую нарочно не исправляютъ. Какое сходство между

ду сею цѣною и слѣдующею исторіею, гдѣ изображение самое плодотворное и духъ наиболѣе важный, утверждаясь на правилахъ художества, едва можетъ въ дѣйство произвести то, что презрѣнная самая картина представляетъ? Оставляя сіи примѣры, я прошу читателя примѣнить, что самые разумнѣйшіе люди натурально съ великою трудностію могутъ вѣрить тому, будто звѣри не имѣютъ никакого знанія, и будто они суть подлинныя машины. Отъ чего сіе непобѣдимое прекословіе въ такихъ острѣхъ разумахъ происходитъ? Отъ того, что они съ основаніемъ рассуждаютъ, что движенія столь правильныя, и столь механическимъ правиламъ соотвѣтствующія, не могутъ сами собою быть безъ особеннаго искусства; и что одна матерія безъ художества не можетъ сдѣлать такой вещи, которая показываетъ столько знанія. Видно чрезъ сіе, что самое правое рассужденіе натурально заключаетъ, что одна матерія не можетъ ни по простымъ законамъ движенія, ни по ненарочному случаю учинить животныхъ, кои были бы подлинныя машины. Самые философы, которые не приписываютъ звѣрямъ никакого знанія, не могутъ не признаться, что то, что они почитаютъ за слѣпое и неправильное въ сихъ машинахъ, исполнено премудрости и искусства ихъ перваго строителя, который въ нихъ устроилъ составы, къ порядочному движенію принадлежащіе. Такимъ образомъ несогласнѣйшіе между собою философы равномѣрно признаютъ, что матерія и случай не могутъ произвести безъ искусства ничего того, что въ скотахъ мы усматриваемъ.

IX.

Особливое рассмотрение природы.

Послѣ сихъ сравненій, о которыхъ читателя прошу, чтобъ самъ съ собою просто безъ дальнихъ умствованій посовѣтовалъ, думаю, что время ужѣ войти въ самую подробность природы. Я не намѣренъ сквозь всю ее пройти, да кто и можетъ? Также не намѣренъ я входить ни въ какія рассужденія физическія: они требуютъ извѣстныхъ и при томъ глубокихъ знаній, которыхъ не могли разумнѣйшіе люди никогда достигнуть. И я желаю только простой видъ природы представить, и хочу имъ говорить только о томъ, что весь свѣтъ знаетъ, и что не требуетъ ничего, кромѣ прилѣжнаго и дѣйствительнаго вниманія.

X.

О строеніи свѣта вообще.

Остановимся мы прежде при великомъ поворощѣ, которое первые наши взоры къ себѣ обращаетъ, то есть, при строеніи всего свѣта, *Quanta fit admirabilitas caelestium rerum atque terrestrium* „ . Посмотримъ на сію землю, которая насъ носитъ. Воззримъ на безмѣрную высоту небесъ, которая насъ покрываетъ, на сію бездну воздуха и воды, которая насъ окружаетъ, и на сіи планеты, кои насъ освѣщаютъ. Нерассудительный человѣкъ думаетъ только о расстояніи мѣхъ мѣстъ, кои у него передъ глазами, или до которыхъ ему нужда. Онъ почитаетъ землю такъ, какъ полъ своей горницы, и солнце, которое ему свѣтитъ во дни, какъ свѣчу, свѣтящую во время ночи. Всѣ его мысли заключаются въ томъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ

гдѣ онѣ живетѣ. На противѣ того челоѣкъ, привыкшій рассуждать, проспираетѣ свои взоры далѣе, и съ любопытствомѣ примѣчаетѣ сіи причины почти безконечныя, которыми онѣ со всѣхѣ сторонѣ окруженѣ. Самое пространное государство кажется ему такѣ, какѣ малѣйшимѣ уголкумѣ земли: самая земля представляется его глазамѣ не больше какѣ точкою сей громады свѣта, и удивляется, видя себя на оной поставлена, не вѣдая при томѣ, какѣ онѣ тутѣ очутился.

ХІ.

О землѣ.

Кто сей недвижимою шарѣ земной повѣсилѣ? Кто оную основалѣ? Кажется ничего нѣтъ ея презрѣннѣе, самые несчастные попираютѣ оную ногами. Однако за то, чтобы ея владѣть, платятѣ великія сокровища. Еслибы она была тверже, то бы челоѣкъ не могѣ ея пахать: еслибы была бы мягче, то бы мы не могли по ней ходить вездѣ бы обрушивались какѣ въ песокѣ, или въ пину. Изѣ внутренности земли неисчерпаемыхѣ происходятѣ всѣ наидрагоцѣннѣйшія сокровища. Сіе тѣло безобразное, презрѣнное и грубое, перемѣняется во всѣ различные виды, и оно одно подаетѣ намѣ всѣ тѣ сокровища, коихѣ мы отѣ нихѣ пребуемѣ. Сіе брентѣ толь нечистое, во многіе виды прельщающіе взорѣ нашѣ, перемѣняется. Однимѣ годомѣ оно превращается въ сучья, въ пучки, въ листья, въ цѣтѣы, въ плоды, и въ сѣмена, для оказанія своей щедрости въ пользу челоѣческаго рода. Ничто ея не истощаетѣ, чѣмѣ больше внутренности ея раздраютѣ, тѣмѣ она обильнѣе. По толь многихѣ вѣкахѣ, въ кои все изѣ земли про-

присходило, сама она ничего не употребляла. Она не чувствуетъ никакой старости; ея внутренности еще наполнены тѣми же сокровищами. Тысяча произведеній родилась изъ ея нѣдра. Все ветшаетъ и старѣется кромѣ ея одной. Она каждой годъ весною молодеетъ. У нее для людей никакого нѣтъ недостатка. Но неразумные люди недостатокъ сами себѣ причиняютъ. Они не хотятъ надъ нею трудиться. Сіе отъ ихъ нерадѣнія происходитъ и безпорядка. Они допускаютъ ей родить терніе и волчецъ вмѣсто винограда и житѣ. Они ссорятся за то, что сами теряютъ. Побѣдители тѣмъ землямъ попускаютъ непахатымъ лежать, для пріобрѣтенія коихъ, многія тысячи людей погубили, и препроводили свою жизнь въ толь ужасномъ движеніи. Земля, естълибы хорошо была вспахана, то бы стократъ больше людей прокормила, нежели сколько прокармливаютъ. Самое неравенство земли, которое можно было бы почесть за недостатокъ, на конецъ являе украшеніе и пользу обращается. Горы возвышенны, и долины въ тѣхъ мѣстахъ спустились, гдѣ имъ быть назначилъ Создатель. Сіи различныя земли, слѣдуя различному движенію солнца, приносятъ различныя пользы. Въ сихъ глубокихъ долинахъ можно видѣть траву холодную, растущую для корму скотины. Около ихъ восстаютъ пространныя поля, одѣтыя богатыми жатвами. Съ одной стороны поднимаются они на подобіе амфитеатра, и украшаются виноградными и другими плодоносными деревьями. Съ другой стороны превысокія горы, льдистыя, верхи свои возносятъ до самыхъ облаковъ, и воды, текущія съ нихъ источники и рѣки про-